

Ее звали Йоко

18+

Натали Ян
Её звали Йоко

«Автор»

2026

Ян Н.

Её звали Йоко / Н. Ян — «Автор», 2026

1857 год. Юная Аямэ, испугавшись проклятия, оставляет новорожденную дочь умирать в лесной чаще. Младенца спасает приемная мать Аямэ. Она забирает девочку в свой дом, скрывает правду и воспитывает как родную дочь. Годы идут в простых домашних хлопотах: Йоко учится вести хозяйство, ухаживать за садом, шить и ценить тихий уют деревенской жизни, считая свою спасительницу матерью. Но привычный, размеренный мир рушится, когда вместе с девичьей зрелостью в ней просыпается пугающее наследие — пророческий дар. Спокойный быт оборачивается кошмаром, ведь за редкой силой уже охотятся те, кто готов уничтожить юную пророчицу ради спасения собственного будущего.

© Ян Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мама, которую я знала.	5
Проклятое дитя	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Натали Ян Её звали Йоко

Мама, которую я знала.

21 марта 1857 года.

Трагедия вновь постучала в дома японцев.

Чудовищное землетрясение забрало более ста тысяч жизней.

Но, лишь тысячи погибли от самого подземного толчка,

остальные умирали в адском пламени, которое разносило ураганами.

За 17 лет до этого...

Осень 1840 года.

На фоне страшнейшего экономического кризиса в стране, жителей крупных городов начали гнать в деревни. Но даже там жизнь не была легкой, молодые люди были не в силах выживать, а уж, тем более, кормить маленьких детей. Отдать ребенка другим людям было невозможно, эти дети не были нужны родителям, что уж говорить о чужих.

У подножия горы Сияма, по крайней мере, так эту возвышенность называли жители селения Сиомо в префектуре Осака, находилось место. Это место стало настоящим адом. Сюда приносили ненужных младенцев. Здесь своих крох оставляли их родители, у которых не хватало духа лишить страданий собственных малышей. Они обрекали детей на верную смерть, хотя и был крошечный шанс на спасение теми, кто их найдет.

Иногда избавление было лишь иллюзией. Новорожденных могли забрать люди с худшими намерениями. В такие моменты приходит осознание пугающей реальности: смерть, действительно — спасение.

Дождливой осенней ночью госпожа Хамото возвращалась после сбора целебных трав в лесной чаще. Услышав плач малыша из непроглядной тьмы, женщина прекрасно понимала его истинное происхождение. Она и раньше ходила этой тропой, поэтому подобный плач слышала далеко не впервые. Она и глаза родителей несчастных подкидышей видела много раз. У одних в глубине взгляда горел жгучий стыд, у других же явственно сияло облегчение. Госпожа Хамото была одинока, но прокормить целую армию обездоленных детей она не видела никакой возможности. Сердце этой женщины за долгие годы успело окаменеть, ведь повидала она на своем веку, действительно, слишком много.

Однако в этот раз истошный крик малышки что-то окончательно сломал в душе Ёсико. Она решительно прошла вглубь леса, и чем ближе она подходила к источнику звука, тем отчетливей слышала чужие голоса: кроме душераздирающего плача девочки, раздавались реплики двух взрослых. Нет, это были вовсе не горе-родители, это оказались два блуждающих самурая. Они тихо спорили между собой, вырастет ли из этой крохи настоящая красавица.

— ...да не выйдет из неё... никакой статной девицы... — долетел сквозь деревья глухой, уверенный голос одного из воинов.

— ...слишком большие расходы... — приглушенно ворчал другой, беспокоясь о затратах на неё, которые явно превысят выгоду, ожидаемую от девчонки в далеком будущем, — ...а какая прибыль... потом?..

Госпожа Хамото отчетливо понимала, что ей в одиночку ни за что не одолеть двух вооруженных громил, которые, словно живую курицу, делили беззащитных детей по принципу

«кому побольше, а кому покрасивей». Она набралась смелости и, подойдя вплотную к кричащей малышке, сходу констатировала:

— Девочка тяжело больна, трогать её ни в коем случае нельзя, её надо сжечь!

Эта пожилая женщина их, безусловно, сильно ошарашила. Выскочила внезапно из крошечной тьмы и уверенно говорит о безнадежно больном и заражном ребенке.

В вымокшей лесной женщине — невысокой, сухой старухе около шестидесяти лет, на чьем испещренном морщинами лице остро выделялись темные глаза, а под традиционной бамбуковой шляпой прятались темные волосы с проседью — самураи сразу узнали Ёсико Хамото, местную травницу и опытного лекаря.

Спорить с ней не было ни желания ни смысла.

— Уходим, она своё дело знает — негромко бросил один другому.

Бегло осмотрев больше десятка других подкидышей и окончательно убедившись, что живых среди них больше нет, они спешно продолжили свой прерванный путь. Госпожа Хамото крепко схватила брошенную девочку и унесла к себе домой.

1851 год.

Жительница близлежащего города Сеннан внезапно узнает о невероятной волшебнице, способной поведать о грядущем и даже со стопроцентной точностью рассказать о далеком прошлом. В действительности эта прорицательница была никакая не взрослая девушка, а маленькая девочка, тайно сбежавшая от своей матери в город. Никто в точности не может с уверенностью сказать, врет она или говорит чистую правду, но юная особа рассказывает о таких вещах, которых знать никак не может. Естественно, делает она это исключительно за щедрую оплату. Маленькая Аямэ ловко убеждает доверчивых людей в своей возможности дать им именно то, чего они страстно желают.

Очередное исчезновение Аямэ вовсе не стало для Хамото причиной для отказа от привычной рутины, и пожилая женщина направилась в Сеннан, чтобы продать выращенный на огороде урожай моркови. Проходя среди шумной толпы, она неожиданно увидела дочку, которая ловко продавала красивую иллюзию изумленной публике. Острое чувство стыда заставляло пройти мимо, но материнская ответственность все же перевесила, поэтому, грубо растолкав зевак, женщина крепко схватила Аямэ за ухо и потащила ее на позорную казнь. Накинув хайно^[1] на спину девочке, она еще и увесистым пинком ускорила её движение.

Возвращаясь обратно в Сиомо, мать и дочь яростно ругались всю оставшуюся дорогу. Будучи женщиной глубоко набожной, Хамото считала любые заигрывания с экстрасенсорикой, предсказаниями грядущего и копанием в чужом прошлом не просто глупостью, а настоящим богохульством и личным оскорблением. Распекая Аямэ за её вопиющее поведение, суровая родительница без утайки кричала, что подобные трюки — это верх безрассудства.

— Если ты предскажешь кому-то что-то не то, и это пророчество в итоге не сбудется, тебя мгновенно сочтут бессовестной мошенницей! — в сердцах отчитывала её Хамото, едва поспевая за упирающейся девчонкой.

— После такого позора с нашей семьей ни один приличный человек дел вести не станет, и я из-за твоих фокусов даже выращенные овощи на рынке продать не смогу!

Аямэ, напротив, жутко психовала, срывалась на истошный крик и вопила на всю тропу, что эта старая упрямая скряга устроила ей форменный кошмар и опозорила перед восхищенными слушателями.

— У меня, в отличие от тебя, есть настоящая большая мечта, и я вовсе не хочу добровольно положить всю свою молодость и жизнь на то, чтобы до кровавых мозолей таскать тяжелые мешки и выменивать их на жалкие гроши! — яростно кричала в ответ девочка.

— И что же это за великая мечта такая, ради которой необходимо честных людей за нос водить и нагло обманывать?! — в упор гремела в ответ разгневанная Хамото.

Аямэ на предельно повышенном тоне, срывая голос, выпалила, что её заветное желание — это жить в абсолютном комфорте, достатке и роскоши, а вовсе не ковыряться бесцельно в сырой земле, чтобы на закате дней выглядеть как высохшая, сморщенная слива. При этом девчонка дерзко добавила, что её уникальные видения и проницательность обязательно помогут ей выбиться в люди и достичь этого богатства. За столь оскорбительное сравнение со сморщенной сливой, а также за то, что малолетняя дочь посмела так непочтительно кричать на мать, Хамото наотмашь отвесила ей увесистый, звонкий подзатыльник.

Но Аямэ, несмотря на то, что получила сильный и болезненный удар, упрямо не замолчала и всё равно продолжала язвительно огрызаться. И тогда окончательно потерявшая терпение Хамото продолжила прямо на ходу отвечать ей чувствительные пинки до самой деревни.

Характер у подрастающей Аямэ был действительно невероятно тяжелым.

В конце концов, Аямэ в порыве злости оставила всю заработанную на рынке Сеннана кукурузу на плечах матери и в одиночку стремительно ушла домой. Разгневанная Хамото сперва искренне хотела догнать строптивую девчонку и как следует отлупить, но в итоге рассудила здраво и решила спокойно донести весь тяжелый груз до своего дома сама.

Едва вернувшись в родные стены, Ёсико и её одиннадцатилетней дочери пришлось прямо с порога встречать незваных гостей. К скромному жилищу Хамото вновь пожаловали вооруженные солдаты. С тех самых пор, как Аямэ расцвела, эти служивые люди и прочий подозрительный сброд регулярно крутились у порога её дома. Всякий раз, совершая свой внезапный визит, военные молча оставляли увесистый мешок белого риса, вежливо интересовались, все ли у женщин в порядке, и сразу после этого уходили восвояси.

Как только нежданные визитеры окончательно скрылись из виду, Аямэ с явным негодованием и скрытой иронией спросила:

— Опять будем складировать это добро под пол? Или, всё-таки, как нормальные люди, наконец-то съедим его?

Ответ матери был предельно решительным:

— Нет!

Хамото сурово объяснила упрямой дочери, что если они посмеют притронуться к этому подношению и съедят его, то однажды дарители обязательно вернутся и потребуют за всё сполна заплатить.

— Но почему мы не можем просто взять и заплатить? — поинтересовалась Аямэ.

Последовавший ответ оказался совершенно неожиданным и шокирующим для маленькой девочки, ведь единственной и истинной оплатой за этот рис была она сама.

Лето 1856 года.

Аямэ мирно работала в саду, когда внезапно повторился визит вооруженного отряда, но на этот раз к дому явился сам командир в сопровождении двух рядовых солдат. Госпожа Хамото мгновенно узнала гостя: этот отвратительный засранец на протяжении многих лет постоянно разыскивал маленьких детей для своих корыстных и темных целей.

Он находился в той самой лесной чаще у горы Сияма, когда Аямэ было всего лишь несколько дней от роду. Казалось, по прошествии стольких лет и он наконец-то догадался,

что перед ним стоит та самая девочка, которая, якобы, была безнадежно больна и смертельно заразна.

Наглый самурай бросил оценивающий, тяжелый взгляд на Аямэ, а затем сухо спросил:

— Сколько ей лет и кто её родной отец?

При этом мужчина прекрасно знал, что старая травница глубоко одинока, и никакого мужа у неё никогда не было.

— Отец давно умер, а девочке десять лет, — уверенно ответила Ёсико.

Стоит ли говорить, что эта девушка выглядела чересчур внушительно и взросло для названных десяти лет.

Самурай мрачно насупился от столь очевидной лжи. И сразу же задал вполне логичный вопрос:

— Не та ли самая кроха, что когда-то умирала от неизлечимой заразной болезни в лесной чаще, теперь так активно занимается выращиванием овощей в твоём саду?

Не дожидаясь ответа старой травницы, командир громко позвал девочку к себе.

Не получив в ответ ни единого звука, он уже в жестком приказном тоне потребовал от молодой девушки:

— Немедленно подойди ко мне!

И вновь в воздухе повисла лишь тяжелая тишина.

Окончательно разъяренный воин спешно направился прямо к работающей на грядках Аямэ, но хозяйка дома отчаянно кинулась ему наперерез и начала настойчиво интересоваться:

— Какова истинная цель вашего внезапного визита?

Мужчина яростно прокричал в ответ:

— Заткнись, старуха!

Однако в этот же миг сама девчонка дерзко крикнула на него: — Пошел вон отсюда!

Командир в ответ злобно заявил об их огромных обязательствах перед его отрядом. Он жестко отчеканил:

— За весь тот рис, которым мы кормили вас все эти годы, девушка теперь всецело принадлежит регулярной армии и императору!

Не дожидаясь окончательного завершения мысли высокопоставленного гостя, бабка стремительно кинулась в дом, чтобы достать и тщательно пересчитать скопившееся зерно. Пересчитав до единого все мешки с рисом, она твердо заявила:

— Армия может прямо сейчас забрать всё это зерно обратно до последнего зернышка!

Рядовые солдаты, услышав такое, явно и неподдельно удивились, а их разъяренный предводитель в бешеной ярости запрыгнул на своего коня и бросил напоследок глухую угрозу:

— Я любой ценой получу то, что мне нужно!

Именно в этот момент Аямэ наконец-то отчетливо поняла, почему её мать все эти годы так панически боялась прикасаться к этому рису и запрещала его есть. Оставшись наедине с матерью, Аямэ взволнованно спросила, о какой именно умирающей в лесу девочке только что попытывался наглый самурай.

В эту секунду она начала всерьез догадываться, что Хамото вовсе не является её родной по крови матерью. Однако Хамото не стала открыто подтверждать эти страшные догадки, а лишь злобно фыркнула в ответ и поспешно ушла в сторону дома.

Прошло две недели. Аямэ отправилась в лес собирать лекарственные травы. Все то время мать и дочь совершенно не разговаривали друг с другом. Девочку мучил вопрос, правда ли то, что сказал самурай. Кроме того, ей регулярно снилась её настоящая родительница. Правда, она этого отчетливо не осознавала.

Внезапно из густых кустов показался этот наглый воин. Аямэ очень сильно испугалась, ведь она прекрасно понимала, что находится здесь совершенно одна, и никто её не спасёт.

— Зачем тебе вообще нужна эта старая бабка, если она ведь даже не родная мать? — спросил самурай.

Аямэ не могла этому удивиться, поскольку и так в глубине души понимала страшную правду, просто упрямо гнала её прочь от себя. Юная особа продолжала безмолвствовать, но преследователю и не нужен был её ответ.

Он не стал терять времени и грубо констатировал: — Я всегда получаю то, что хочу!

Самурай цинично отметил, что сама девчонка ему абсолютно не нужна, но матерью его будущего ребёнка ей стать придётся. Хочет она того или нет. Аямэ в ужасе бросилась бежать, но у неё не было и малейшего шанса...

После всего произошедшего Аямэ так и не смогла вернуться обратно домой, так как она чувствовала себя жестоко обманутой, а теперь еще и перенесла это ужасное надругательство. Хамото вновь потеряла свою названую дочь, каковой та являлась для неё все эти долгие годы, и никакое кровное родство не могло перечеркнуть эту глубокую привязанность.

С наступлением осенних холодов Ёсико подалась в Сеннан. Она упорно искала её всюду, настойчиво спрашивала у каждого встречного прохожего, видел ли кто-то девушку с особым пророческим даром. Но никто её, уже очень давно, не видел.

Сноски:

^[1] «Хайно» (, hainō) — это исторический японский армейский ранец, который широко использовался японскими военными в конце XIX века, в эпоху Мэйдзи. Но в данном контексте его роль играет простой заплечный мешок.

Проклятое дитя

1856 год, осень

Теплое время года угасало. Холодный ветер безжалостно срывал с ветвей последние листья, а тяжелые дождевые капли глухо стучали по деревянному порогу **энгавы**. Дни тянулись один за другим, однообразные и размеренные. От подступающего отчаяния Ёшико спасали лишь бесконечные хлопоты и подготовка к холодам.

Аямэ и раньше могла исчезнуть на долгие месяцы — такой уж у девочки был своенравный характер. Но прежде Ёшико хотя бы знала от жителей Сеннана, что ее дочь пытается заработать на учебу следуя за своей мечтой о богатой жизни. Теперь же от прежней уверенности не осталось и следа: никто в округе не видел девочку, и никто не мог подтвердить, что с ней все в порядке.

Ливень разошелся в полную силу, превращая глинистые дороги в бурлящие реки. Стоило Ёшико поплотнее прикрыть раздвижные двери **сёдзи**, как снаружи, на пороге, возник смутный силуэт. Это была она — Аямэ. Промокшая до нитки, девочка сильно дрожала. Казалось, она плачет, хотя Аямэ ни за что на свете не позволила бы себе открыто проявить слабость.

Автор изображения - Натали Ян

Изумленная госпожа Хамото поспешила пригласить дочь внутрь — Аямэ замерла на земляном полу **гэнкана**, словно боялась снять обувь и переступить деревянный порог без разрешения. На вопрос матери о том, где она пропадала все это время, Аямэ глухо ответила: «В Тано». Эта деревня находилась всего в двух часах пути от Шиомо. Дочь была совсем рядом, но это не помешало им полностью потерять друг друга на четыре долгих месяца.

Мать и дочь прошли в комнату, застеленную жесткими циновками **татами**. Прежде чем Хамото успела спросить о ее здоровье или предложить согреться у **котацу**, Аямэ резким заявлением вдребезги разбила повисшую тишину. Она беременна, но рожать этого ребенка не хочет.

Эти слова совершенно не вязались с образом прежней Аямэ. Ёшико помнила свою дочь совсем другой. Девочка могла солгать, полениться, нагрубить или даже ввязаться в драку. Но та Аямэ, которую знала мать, никогда бы не связала свою жизнь с человеком, от которого не захотела бы иметь детей. Но даже если и так, ее дочь ни за что не пришла бы к ней с просьбой избавиться от нерожденного малыша.

На немой упрек и негодование Хамото Аямэ ответила ледяным ударом: она глухо произнесла, что давно знает правду. Ёшико — не ее родная мать. А раз так, то госпожа Хамото не имеет никакого права распоряжаться ее судьбой, а уж тем более — вмешиваться в судьбу нерожденного младенца.

Однако жестокие слова дочери не могли изменить чувств Ёшико. Для нее никогда не имело значения отсутствие кровного родства. Последние шестнадцать лет Аямэ была смыслом ее жизни, и никого ближе этой девочки у женщины не существовало. Спокойно, но непреклонно Хамото дала понять: прервать беременность она не сможет. Сложно было сказать, действительно ли Хамото не могла этого сделать или же Ёшико просто воспротивилась греху, но Аямэ пришлось смириться — ей предстояло выносить этого ребенка. Тяжелое бремя подкосило хрупкое здоровье девушки, она отчаянно нуждалась в материнском уходе.

1857 год

Наступила весна, принесла с собой нежное цветение сакуры. Но если природа пробуждалась, то состояние Аямэ за прошедшие месяцы лишь ухудшилось. Физически девушка практически восстановилась, эмоционально изводила себя. Материнское тепло в ее сердце так и не зажглось; желания даровать жизнь этому дитя у нее не появилось и на миг.

Ёшико прекрасно понимала: этот ребенок был зачат не в пылу сладкой любви, а, скорее всего, стал плодом насилия или горькой ошибки. Но в чем была вина еще не появившейся на свет души? Леденящая ненависть дочери к собственному плоду пугала Хамото до дрожи в поджилках. По ночам, вслушиваясь в тяжелое дыхание девушки за бумажной ширмой, женщина замирала от подступающего ужаса. Больше всего на свете она боялась, что в порыве безумия Аямэ решится на самое страшное — поднимет руку на себя или на дитя.

Однажды ночью, когда весенний дождь тихо шуршал по соломенной крыше, Ёшико не выдержала. Сквозь тонкую бумагу фусумы из комнаты дочери доносились лишь прерывистые, тяжелые вздохи. Женщина бесшумно отодвинула перегородку и вошла.

Аямэ лежала на своем футоне, уставившись в темный потолок. Ее лицо, осунувшееся и бледное, в тусклом свете масляного светильника казалось безжизненной маской. Ёшико опустилась на колени рядом и мягко, но уверенно накрыла своими ладонями холодную руку дочери.

— Ты не спишь, Аямэ, — тихо произнесла она. — Эта чернота внутри съедает тебя быстрее, чем растет дитя. Поговори со мной. Оставь обиды за то, что я не родила тебя. Для меня ты — моя кровь. Что случилось в Тано? Откуда в тебе столько ненависти к невинной душе?

Аямэ долго молчала, и только жилка на ее шее испуганно билась. Наконец она резко, с горькой усмешкой, выдернула руку.

— Невинной? — голос девушки прозвучал хрипло, надломленно. — Ты смотришь на этот живот и видишь дитя, мама. А я вижу чудовище.

Ёшико замерла, внутри у нее все похолодело. Она догадывалась, её девочка стала жертвой надругательства. На мгновение женщине стало безумно стыдно за свое прежнее негодова-

ние. Она осторожно придвинулась ближе и, невзирая на сопротивление, крепко обняла Аямэ, прижимая ее голову к своему плечу.

— Дурочка какая же ты глупая и сильная девочка, — прошептала Ёшико, и слезы обожгли ее щеки. Ребенок не виноват в грехе своего отца. В нем течет твоя кровь, Аямэ. Когда он родится, тебе не придется на него смотреть, если сердце не прикажет. Я заберу его. Я стану ему матерью, как стала тебе. А ты ты сможешь жить дальше. Только не губи себя, умоляю.

Аямэ не обняла мать в ответ, ее тело оставалось натянутым, как тетива лука. Но Ёшико почувствовала, как на ее плечо упала одна-единственная, обжигающе горячая слеза. За эти четыре месяца Аямэ заплакала впервые.

Однажды ночью Аямэ не вернулась домой. Последние дни она проводила в бесконечных, изнуряющих прогулках, словно пыталась сбежать от собственного тела. Время близилось к полуночи, а комнаты пустовали. Душа Ёшико была не на месте — чудовищное, леденящее предчувствие погнало ее на улицу.

Хамото долго бродила по опустевшей деревне, звала дочь в глухом ночном лесу и всё-таки нашла ее. Аямэ неподвижно стояла у самого края крутого горного склона. Похоже, она провела здесь несколько часов, безмолвно всматриваясь в бездну. Всем своим видом она без слов говорила: возвращаться домой она не собирается, да и покидать это место живой не хочет.

Вдруг Аямэ разрыдалась — так отчаянно и горько, как с ней не бывало никогда в жизни. Сквозь рыдания она принялась иступленно убеждать Хамото, что этот ребенок не должен увидеть свет. Девочка билась в настоящей истерике.

— Аямэ! Отойди от края, умоляю тебя! — тяжело дыша от быстрого бега, крикнула Ёшико, протягивая к ней дрожащие руки. — Идём домой, здесь слишком опасно, ветер сбивает с ног!

— Домой? — Аямэ обернулась, её бледное лицо было мокрым от слёз, а волосы разметались по плечам. — У меня больше нет дома, мама. Этот ребёнок... он не должен родиться. Если я сделаю шаг вниз, всё закончится. Земля примет нас обеих, и проклятие прервётся!

— Полно тебе, доченька! Успокойся! — взмолилась Хамото, подступая на шаг ближе и пытаясь перекрыть свист ветра. — О каком проклятии ты говоришь? Откуда тебе знать? Да ты даже пола ребёнка еще не ведаешь! Вот родится у тебя сын — сама всё поймешь, все страхи пройдут! Мужчина вырастет твоей опорой. Нет никаких видений, чушь всё это, морок ночной!

— Это не морок! — закричала Аямэ, вцепившись пальцами в свой округлившийся живот, словно защищаясь от него самого. — Ты не понимаешь! Я вижу её... Я знаю, что она натворит. Она придёт в этот мир со знаком тьмы на челе. Я слышу её плач по ночам, и это не плач младенца — это плач сотен душ, которые она погубит! Её судьба соткана из пепла и крови. Я чувствую это каждой клеточкой своего тела! Она принесёт смерть всему, к чему прикоснётся!

Взгляд Аямэ сделался безумным: она твердо, до дрожи знала и пол, и страшную долю своего еще не рожденного малыша. Впрочем, эту пугающую, визионерскую сторону характера дочери Хамото знала слишком хорошо, но сейчас этот бред звучал по-настоящему зловеще.

— Довольно! — твёрдо оборвала её Ёшико, сделав резкий рывок вперёд и мёртвой хваткой вцепившись в плечи девушки, утягивая её прочь от обрыва. — Твоё тело истощено, разум помутился от страха и усталости! Твои видения — лишь тень пережитого горя. Хочешь или нет, но мы идём домой!

В этот момент над горой поднялся шквалистый, яростный ветер...

Хамото, выбиваясь из последних сил, почти на плечах потащила бесчувственную дочь обратно. Девочка едва переставляла ноги — то ли от полного истощения, то ли от нежелания возвращаться под родную крышу. Буря крепла с каждой минутой. К середине ночи они наконец вошли в дом. Обессиленная и насквозь продрогшая Аямэ моментально забылась тяжелым сном на своем футоне.

К третьей фазе ночи стихия разбушевалась в полную силу. Старый деревянный дом ходил ходуном и трясся от мощных порывов. Ледяной ветер со свистом брызгал сквозь щели в сёдзи, задувая масляные лампы и гуляя по темным комнатам. А на исходе ночи, когда буря достигла своего пика, предассветный мрак дома разорвал пронзительный, полный боли крик. Схватки начались.

Страшное бедствие обрушилось на Токио в то утро. Мощные подземные толчки в мгновение ока унесли жизни тысяч людей, а безумный ураган, раздувавший адское пламя, обрек на мучительную смерть еще сотню тысяч жителей. Земля содрогалась, погребая под собой целые кварталы.

В Шиомо предассветный час тоже был полон ужаса: дом Хамото содрогался от яростных порывов бури, а внутри него раздавался истошный, надрывный крик. Аямэ рожала. Старое жилище чудом выстояло в эту кошмарную ночь, а к утру в его стенах появился новый житель. Будь то пугающее предчувствие или зловещее пророчество, но Аямэ оказалась права — на свет появилась девочка.

Молодая мать знала, что родится дочь, но так и не придумала для нее имени. В ее взгляде на новорожденную смешались остатки материнской любви и леденящий душу ужас. Аямэ искренне, до дрожи боялась этого крошечного существа, и Ёшико никак не могла найти логичное объяснение этому страху. На маленькое, беззащитное дитя Аямэ смотрела так, словно перед ней лежало исполинское чудовище, от которого невозможно скрыться или защититься.

Слабым голосом Аямэ умоляюще попросила мать спрятать младенца под пол. Поначалу Ёшико решила, что дочь просто пытается уберечь малышку от бушующего урагана. Но вскоре до нее дошла жуткая истина: Аямэ хотела скрыть ребенка от всего мира ради их собственной безопасности.

Хамото отчаянно надеялась, что после родов Аямэ станет легче, нужно лишь набраться терпения и переждать. И все же оставлять дочь наедине с новорожденной она не решалась ни на минуту. Сама Аямэ остро чувствовала это недоверие; она видела, что Хамото бдительно защищает внучку от нее самой. Атмосфера в доме была пропитана густым, удушливым страхом.

Так в тягостном напряжении прошла неделя. Постепенно обстановка в доме стала спокойнее, а Аямэ больше не походила на сумасшедшую. Казалось, жизнь понемногу возвращается в прежнее русло. Молодая мать по-прежнему не выглядела счастливой, но, по крайней мере, больше не производила впечатление женщины, готовой поднять руку на собственного ребенка.

Автор изображения - Натали Ян

Через дорогу от дома госпожи Хамото жил старик, чье прошлое оставалось полной загадкой для жителей Шиомо. Звали его Юра. Был он нелюдимым одиночкой, а единственным его компаньоном был огромный домашний медведь по кличке Кума.

Этим вечером тишину деревни разорвал страшный рев: Кума истошно выл от невыносимой боли в животе. В его случае дело, разумеется, было вовсе не в беременности — как минимум, зверь был самцом. Трудно было сказать, сожрал ли косопалый что-то ядовитое или просто занемог, но помочь огромному хищнику мог только знающий лекарь. А лучшим цели-

телем в округе считалась Хамото. Оставлять Аямэ наедине с младенцем Ёшико до сих пор было до смерти страшно, но и бросить в беде соседа она не могла. Рассудив, что ей нужно лишь перейти дорогу и помочь старику спасти его единственного друга, женщина сочла это своим долгом. Схватив горшок с медом и нужные целебные травы, Хамото поспешила на помощь лохматому обжоре.

Никто не знает, сколько времени Ёшико провозилась, пытаясь отыскать причину недуга в брюхе двухметрового питомца деда Юры. Однако, когда она наконец вернулась под родную крышу, в комнатах стояла зловещая тишина. Аямэ дома не было.

Паника мгновенно сковала сердце женщины — из дома исчезла и дочь, и новорожденная внучка. Куда посреди ночи могла податься едва оправившаяся после родов девушка, госпожа Хамото не имела ни малейшего представления. Первым делом она сломя голову бросилась к тому самому горному склону, где нашла дочь неделю назад. Но у обрыва было пусто. В слезах Хамото принялась метаться по улицам, стучаться в двери и будить сонных жителей деревни.

На окраине, у одного из домов, она заметила шестилетнего мальчишку по имени Аой. Ребенок сидел прямо на заборе и завороченно разглядывал ночные звезды. Увидев запыхавшуюся, испуганную женщину, он сразу узнал в ней мать Аямэ. Мальчик невинно поинтересовался, не ее ли дочь и внучку она ищет.

У Ёшико отлегло от сердца, но лишь на короткое мгновение. Мальчишка действительно видел Аямэ, однако из-за детской беспечности совершенно не запомнил, сколько времени с тех пор прошло. Аой лишь молча указал маленьким пальцем во тьму — туда, где грозно высился силуэт горы Шияма...

К середине ночи Ёшико во весь дух мчалась к подножию горы Шияма. Губы женщины непрестанно шептали молитвы: она умоляла богов, чтобы Аямэ просто оставила дитя в лесу. Самой страшной была мысль о том, что обезумевшая от ужаса дочь решит лично оборвать жизнь младенца, лишь бы не дать сбыться своим зловещим пророчествам о гибели тысяч людей. Психическое состояние Аямэ заставляло Хамото готовиться к самому худшему исходу.

И всё повторилось снова. Приближаясь к мрачной горе, Ёшико сквозь чащу услышала душераздирающий, залиvistый плач младенца. Женщину обдало леденящей волной дежавю. С самого момента рождения эта молчаливая малышка не издала ни единого звука. Теперь же она кричала так отчаянно, словно полностью осознавала, что мать бросила её на растерзание глухой ночи.

Ёшико подбежала на крик к подножию горы, но в тот же миг её надежды рухнули в бездну. Перед ней лежал чужой ребенок — мальчик месяцев шести от роду. На бледном лице младенца отчетливо виднелось багровое родимое пятно. Неужели этот невинный знак стал причиной того, что родная мать сочла его проклятым и отказалась от него? Этот вопрос мог бы долго мучить сердобольную Хамото, если бы у неё оставались силы думать о ком-то, кроме собственной несчастной внучки.

Склоны Шиямы исстари были проклятым местом, куда бедняки уносили лишние рты. Госпожа Хамото, сжав зубы и собрав в кулак всю свою волю, принялась переворачивать сверток за свертком. Среди двух десятков бездыханных маленьких тел, оставленных здесь за долгие месяцы, она отчаянно пыталась отыскать свою кроху. Наконец, бросив взгляд на очередного младенца, Хамото похолодела: она узнала лоскут старого кимоно. Это была та самая ткань, в которую она пеленала внучку — ткань, которую Ёшико много лет назад с любовью покупала для маленькой Аямэ.

В груди женщины одновременно вспыхнули облегчение и леденящая скорбь: Аямэ не убила дитя, но оставила её здесь умирать от голода и холода. Ёшико бережно прижала к себе едва теплую девочку и бросилась прочь из жуткого леса. Ей было не впервой уходить от криков обречённых детей на этой горе, но разум подсказывал — выкормить двоих младенцев в оди-

ночку она просто не сможет. Ей пришлось оставить плачущего мальчика с родимым пятном позади.

След Аямэ вновь простыл. От своенравной дочери в этой забытой богами деревне осталась лишь крошечная живая частичка. Вернувшись в пустой дом, Хамото до самого рассвета металась в поисках еды для малышки, пытаясь согреть и накормить промёрзшую в чаще внучку. Уснуть этой ночью Ёшико так и не смогла.

Она просидела до утра на пороге дома, баюкая девочку. Образ покинутого мальчика у горы Шияма, чьё крошечное сердце в те минуты отбивало свои последние удары, намертво врезался в её память. В её руках тихо спало её собственное спасение — хрупкая маленькая девочка. Первые лучи весеннего солнца нежно осветили её личико. На девятый день своей жизни малышка наконец обрела имя. Госпожа Хамото нарекла её Йоко — дочь солнца.

Энгава - деревянная терраса, окружающая японский дом, выполняющая роль веранды.

Сёдзи - раздвижные двери или перегородки из деревянных реек и плотной бумаги.

Гэнкан - прихожая у самого входа, где уровень пола ниже, чем в остальном доме. Здесь обязательно снимают уличную обувь.

Татами - традиционные маты-циновки из соломы и тростника, которыми застилают пол.

Котацу - традиционный низкий стол, с нагревательным элементом под ним и тяжёлым одеялом, укутывающим ноги (в случае Хамото, использовался уголь для нагрева)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.